СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Ерофей ТРОФИМОВ

СВЕТ ВОЛЧЬЕЙ ЛУНЫ

О них слагают легенды

Современный фантастический боевик (АСТ)

Ерофей Трофимов

Свет волчьей луны

«Издательство АСТ»
2011

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Трофимов Е.

Свет волчьей луны / Е. Трофимов — «Издательство АСТ», 2011 — (Современный фантастический боевик (АСТ))

ISBN 978-5-17-150315-4

…О них слагают легенды и байки, ими пугают детей и называют отродьями дьявола, но никто никогда не задавался вопросом, откуда они вообще взялись и почему они такие. Кто знает, может быть, знаменитый граф Цепеш смог породить не только страшных монстров, но и очень интересных, умных существ?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-150315-4

© Трофимов Е., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 22

Ерофей Трофимов
Свет волчьей луны

© Ерофей Трофимов, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026
Серия «Современный фантастический боевик»
Выпуск 302
Иллюстрация на обложке Бориса Аджиева

* * *

Трансильвания, Карпаты

Полная луна ярко освещала узкую тропу, вившуюся по неприступным скалам Карпатских гор. Морозный воздух сковывал небольшую кавалькаду всадников ледяным дыханием. Ехавший первым рыцарь в полном боевом облачении, с поднятым забралом шлема, зябко поёжился, с трудом оглянулся и тихо произнёс, пытаясь разглядеть ехавшего следом всадника:

– Холодает. Ладно хоть ветра нет.

– Это точно, – поддержал его второй всадник. – Ещё луна эта словно взбесилась. Паршивая ночь. Волчья.

– О чём это ты? – не понял первый всадник.

– У нас, в Кечкемете, говорят, в такую ночь всякая нечисть из преисподней выползает. И волколаки в том числе.

– Наслушался бабьих бредней, – усмехнулся в лихо закрученные усы первый всадник. – Говорят! Запомни сам и детям своим расскажи: нечисть, она не в тёмных углах прячется, а среди людей живёт. Вон, в Воймаёре[1] волколака выловили, так днём он обычным кметом был, семью кормил, а ночью оборачивался. Так что не всё, что говорят, слушать надо.

– Слушай, Янош, ты, конечно, человек в этих делах знающий, но ведь сам понимаешь, люди просто так говорить не станут. Дыма без огня не бывает.

– Нет, ну ты точно как баба деревенская, всё норовишь присказкой да слухами отговориться, – рассмеялся усатый воин, всем телом разворачиваясь к собеседнику.

Высокая лука седла и кованая кираса не позволяли ему как следует разглядеть напарника, но это не мешало вести беседу. Крепкие боевые кони уверенно несли рыцарей к вершине горы, где в морозной дымке возвышался мрачный, неприступный замок.

Вольный отряд, собранный венгерским рыцарем Яношем Кодорем, состоявший из двадцати бойцов разных национальностей и двух молодых воинов, мечтавших о рыцарском посвящении. Подъехав к узкому карнизу, за которым тропа делала резкий поворот, рыцари придержали коней и, осторожно спешившись, принялись осматриваться.

Яношу с самого начала не нравился этот странный поход. Словно всё на белом свете протестовало против него. Но выбирать ему не приходилось. Предпринятое его отцом сватовство заставило его пуститься в дорогу. Одним из условий, выдвинутых будущим тестем, стало обязательное служение Яноша в войсках графа Влада Цепеша, ведшего давнюю войну с османами.

И только прослужив у графа ровно год, он мог вернуться в родной Кечкемет и получить согласие на брак. Доказательством его службы должно было стать письмо от самого графа, с его личной подписью и печатью.

---

[1] Воймаёр, Кечкемет – небольшие поселения на территории Венгрии. Существуют и в наши дни.

Вспомнив, как он тут оказался и что делает, рыцарь вздохнул и повернулся к соратникам. Обведя заиндевелые лица суровых воинов долгим взглядом, он мысленно перекрестился и приказал:

– Всем спешиться, коней поведём в поводу. Тропа узкая, так что держитесь ближе к скале. Не стоит лишний раз испытывать судьбу. И самое главное – не спешите. Камни обледенелые – тут и до беды недалеко.

Бородатые германцы и литвины, набранные им в отряд, дружно кивнули, и вскоре вся кавалькада растянулась длинной узкой змеёй, медленно извивающейся вдоль тропы. Но едва первая пятёрка воинов прошла поворот, как в морозной тишине гор прозвучал тоскливый, заунывный вой. И, словно в ответ, громко заухал филин.

Вздрогнув, один из пятерых обернулся и, тихо выругавшись, перекрестился. Стоявшие рядом с ним воины быстро повторили с детства заученный жест. Заметивший их испуг Янош усмехнулся и нарочито громко сказал:

– Ну что, вояки, совиного крика испугались?

– Не шути так, командир, – покачал кудлатой головой старшина германцев. – Это не сова. Совы не воют.

– А откуда в горах волкам взяться? – рассмеялся в ответ Янош.

– Не волки это, – продолжал стоять на своём старшина.

– А кто тогда?

– Не знаю. Но чует моё сердце, напрасно мы сюда пришли. Гиблое место. Гнилое. И от замка этого холодом могильным веет. Все здесь останемся, до одного.

– Ты чего каркаешь, старый дурак?! – зарычал на него Янош. – Ты воин или пёс трусливый? Холодом ему повеяло! Замёрз, вот и веет. Скала вон вся стылая.

– Нет, командир. Ты понимай, как хочешь, но я твёрдо знаю – не людское это место. Люди в таких местах не живут. И нам жизни не будет, – упрямо возразил старшина.

– И что ты предлагаешь? Уйти? Бросить всё, отказаться от своего рыцарского слова и сбежать?

– Я бы так и сделал, – мрачно отозвался старшина.

– Стать клятвопреступником ради твоих бредней?! – продолжал бушевать Янош.

– Лучше быть живым клятвопреступником, чем мёртвым героем. Точнее, просто мёртвым. Героями нам уже не стать, – дрогнувшим голосом ответил старшина.

В этот момент, словно в ответ на его слова, из-за поворота раздался яростный рёв, истошное лошадиное ржание и испуганные крики людей. Вздрогнув, Янош выхватил свой родовой меч и, оглянувшись на стоящих рядом воинов, скомандовал:

– Бросить коней. Спиной к стене. Приготовиться к бою.

Но, кроме него, никто не успел взяться за оружие. Странная, словно размытая тень метнулась по тропе к растерянно замершим людям, и голова старшины, медленно вращаясь, полетела в пропасть. Словно во сне, Янош успел рассмотреть выпученные от ужаса глаза, окровавленную бороду и растрёпанные, сбившиеся в паклю длинные волосы.

Кошмарное существо, схватив обезглавленное тело за плечи, припало огромной пастью к разорванному горлу и, сладострастно чавкая, принялось высасывать горячую кровь. Отбросив мёртвое тело в пропасть, существо развернулось к оставшимся в живых воинам и, совершенно по-человечески, утерев пасть локтем, грозно зарычало.

– Будь ты проклята, тварь! – завопил один из оруженосцев и попытался дотянуться до груди монстра.

Легко, как-то даже небрежно отмахнувшись, тот отбил удар голой рукой и резким взмахом когтистой ладони разорвал юноше горло. Не обращая внимания на стоящих тут же людей, он снова припал к горлу жертвы и принялся пить кровь. Встряхнувшись, Янош усилием воли взял себя в руки и, сжав рукоять меча, шагнул вперёд.

Понимая, что юный оруженосец уже мёртв и спасти его невозможно, он стремительно кинулся вперёд и, не дожидаясь, когда монстр насытится, резко взмахнул мечом, целя ему в шею. Тяжёлый, отточенный до бритвенной остроты клинок работы знаменитых толедских[2] мастеров врубился в толстую шею, разрубив хребет.

Монстр хрипло зарычал и завалился на тропу. Выдернув из раны меч, Янош развернулся к оставшимся в живых воинам и закричал:

– Сражайтесь! Бейтесь с ними, их можно убить!

Словно в ответ, за его спиной раздался оглушительный рёв и тошнотворный треск разрываемой плоти. Резко оглянувшись, рыцарь встретился взглядом с пылающими, как раскалённые угли, глазами монстра и понял, что это его последний бой. Медленно, словно поднимая непомерную тяжесть, он вскинул свой родовой меч, и одновременно почувствовал, как в горле возникло ощущение чего-то чужеродного.

Стало трудно дышать, гортань саднило, а нижняя челюсть почему-то вдруг перестала подчиняться его воле, самопроизвольно отвиснув вниз. Даже язык, словно дразня, высунулся изо рта. Злобный оскал зверя сказал Яношу больше, чем все слова мира. Небрежно отбросив руку рыцаря, сжимавшую меч, монстр ухватил его за кирасу и, одним движением подтянув к пасти, впился зубами в становую жилу.

Дикая боль пронзила всё существо рыцаря. Вздрогнув, он попытался вскрикнуть, но из горла вырвался только тихий хрип. Лунный свет медленно гас в его глазах, но последнее, что он успел увидеть, была высокая фигура человека, одним движением отшвырнувшего убивавшего его монстра в сторону.

Ударившись о скалу, зверь взвыл и, одним прыжком вскочив на ноги, метнулся в атаку, пытаясь дотянуться до человеческого горла. Но пришелец ничем не уступал монстру. Ухватив за шею и кожу на животе, он легко вскинул его над головой и со всего размаха ударил о ловко подставленное колено.

Переломив зверю хребет, человек отогнул его морду, обнажая горло, и, тихо рассмеявшись, припал к ней губами. В свете луны блеснули длинные ослепительно-белые клыки. По серебристой шерсти монстра пробежала алая струйка крови, и зверь, в последний раз вздрогнув, затих.

Босния, наши дни

Капрал Джонни Кинг проклинал всё на свете, медленно пробираясь среди развалин, оставшихся после артподготовки. Группа зачистки из состава морской пехоты армии США старательно прочёсывала остатки городишка с непроизносимым названием. Внимательно осматривая каждый закоулок, солдаты кривили физиономии и плевались, пытаясь избавиться от пыли, забивавшей горло, и резкого кислого запаха артиллерийского пороха.

Вдруг в развалинах одного из домов, из подвального помещения послышались крики и странное хриплое рычание. Сжав винтовку неожиданно вспотевшими ладонями, капрал подал подчинённым знак, что рядом противник, и, быстро проверив боезапас, осторожно шагнул в разбитый дом. Стараясь не наступать на разбитое стекло и не задевать торчащую со всех сторон арматуру, Джонни подобрался к чудом уцелевшей лестнице и, осторожно подсвечивая себе фонариком, попытался заглянуть в подвал.

Узкий, как кинжал, луч фонаря высветил засыпанные битым кирпичом ступени. Странная тень мелькнула на границе светового пятна. Понимая, что там есть кто-то живой, капрал вскинул винтовку и, сделав глубокий вдох, громко приказал:

[2] Толедо – город в Испании, знаменитый мастерами-оружейниками.

– Эй, в подвале! Выходите с поднятыми руками. У вас ровно три секунды, после этого закидаем гранатами.

Блокировавшие слуховые окна солдаты быстро переглянулись. Лезть в темноту подвала и подставляться под пули им совсем не хотелось. Уже не раз парни из группы зачистки гибли, нарываясь на выстрел или заточенный до бритвенной остроты нож, который далеко не всегда сжимала рука взрослого мужчины.

В подвале снова послышался шорох, и на нижней ступени лестницы вдруг появился кот. Обычный, уличный, полосатый, с нагло торчащими в разные стороны усами, порванными в боях ушами и располосованным противниками носом. В два прыжка добравшись до середины лестницы, он оглянулся и, обнажив клыки, яростно зашипел куда-то в темноту.

В ответ раздалось глухое урчание, и кот, издав истошный вопль, пулей метнулся на улицу. Увидев его, солдаты облегчённо засмеялись. Но капрал Кинг недаром получил свои нашивки. Поведение животного, а самое главное – тихое рычание в ответ ясно сказали ему, что в подвале есть кто-то ещё.

Понимая, что нужно что-то делать, Джонни снял с разгрузки гранату и, отодвинувшись от лестницы, повторил свой приказ. Не дождавшись ответа, он выдернул кольцо и, коротко размахнувшись, ловко запустил гранату в подвал. Услышав знакомый металлический стук, солдаты отпрянули от окон. Упруго грохнул взрыв, и в ту же секунду развалины огласил яростный, леденящий душу рёв.

Не понимая, кто может издавать такой звук, Джонни шарахнулся в сторону, продолжая держать выход из подвала под прицелом. Неожиданно что-то огромное и стремительное метнулось по лестнице в его сторону, и Джонни судорожно нажал на курок, всаживая в незнакомца всю обойму своей винтовки.

Отдача ударила его в бок, и Джонни, споткнувшись, рухнул на заваленный обломками пол. Незнакомец, промчавшись мимо него, выскочил на улицу, и растерянный Джонни услышал испуганные крики своих парней и беспорядочную стрельбу. Запутавшись в собственных конечностях, капрал задёргался, пытаясь подняться на ноги.

Кое-как перевернувшись на бок, он встал на колени и, быстро перезарядив винтовку, выскочил на улицу. Но, едва оказавшись за пределами развалин, он остановился, так, словно наткнулся на прозрачную стену. Вся его группа, все восемь человек лежали на земле, словно сломанные куклы. Понимая, что убийца находится где-то рядом, капрал прижался спиной к стене и, судорожно оглядываясь, потянулся за микрофоном.

– База, база, я Танго два. Ответьте, – задыхающимся голосом принялся вызывать он.

– Танго два, это база. Слушаю вас.

– У нас произошёл контакт, группа уничтожена, прошу поддержки, – быстро заговорил Джонни.

– Где вы находитесь, танго два?

– Да хрен его знает, где я нахожусь! – неожиданно заорал от избытка чувств Джонни. – Здесь одни развалины и трупы! Я остался один, понимаешь, совсем один!

– Успокойтесь, Танго два. Не выключайте рацию, мы найдём вас по пеленгу, – ответила база, и в наушнике Джонни послышалось шипение.

Спустя сорок минут на место гибели группы был высажен десант, и три вертолёта барражировали на малой высоте, отслеживая любое движение в развалинах городка. Высаженная группа быстро зафиксировала место гибели солдат, снимая всё на несколько цифровых камер, у Джонни отобрали оружие и, затолкав в вертолёт, приказали сидеть молча.

Внимательно осмотрев трупы, десантники упаковали их в пластиковые мешки и, погрузив в вертолёты, вывезли на базу. Капрала Кинга продержали под арестом пятеро суток. Утром шестого дня двое громил из военной полиции, надев на него наручники, вывели Джонни из камеры и, усадив в транспортный самолёт, приковали к железному сиденью.

Мрачно покосившись на полицейских, Джонни тяжело вздохнул и, устроившись поудобнее, приготовился к долгому перелёту. Пытаться что-то доказать этим меднолобым громилам было глупо. Они тупо исполняли приказ, обращаясь с ним так, как стали бы обращаться с любым военнослужащим на месте Джонни.

Оказавшись на базе в Гуантаномо, Джонни понял, что дела его не просто плохи, а очень плохи. Самое паршивое, что его ещё никто даже не пытался допросить. А ведь ему было что рассказать. Но, похоже, командование не интересовали его рассказы. Больше всего Джонни напрягало то, что его держали в неизвестности. Не было даже суда, пусть и формального.

Наконец, спустя месяц после всего произошедшего, в камеру к Джонни вошли трое цивильно одетых субъектов, с чётко проступавшими на лбах штампами разведки. Удивлённо посмотрев на посетителей, Джонни задумчиво провёл ладонью по коротко стриженной голове и, тяжело вздохнув, глухо спросил:

– А разведке-то я зачем?

– Умный паренёк, – усмехнулся один из посетителей.

– Даже слишком, – проворчал в ответ другой, мрачно рассматривая Джонни.

– Тогда, может, имеет смысл просто поговорить с ним? Объяснить ситуацию и попробовать склонить парня к сотрудничеству? – задумчиво ответил третий.

– Думаю, методы силового воздействия будут более эффективны, – проворчал тот, для которого Джонни показался слишком умным.

– Ну, попробуйте, – мрачно отозвался заключенный, внутренне готовясь к драке.

– Не будем нагнетать обстановку, – осадил друзей первый. – Капрал, хотите кофе?

– Хочу, – ответил Джонни, набираясь наглости.

– Тогда пошли. Здесь, на базе, есть небольшое кафе. Не бог весть что, но кофе вполне приличный. В любом случае выбирать нам не из чего, – усмехнулся агент, широким жестом указывая Джонни на выход из камеры.

Подчиняясь жесту агента, капрал вышел из камеры и, сделав несколько неторопливых шагов в сторону выхода, удивлённо оглянулся. Все трое остановились у входа в камеру и задумчиво смотрели ему вслед.

– Что-то не так, парни? – спросил Джонни с некоторой растерянностью в голосе.

– Скажи Джонни, что ты видел? – задумчиво спросил пригласивший его в кафе агент.

– Где именно? – окончательно растерялся Джонни.

– Там, в Боснии. Когда погибла твоя группа. Что ты увидел?

– Не знаю, – помолчав, негромко ответил Кинг. – Я даже рассмотреть его не успел. Словно тень на стене. Промелькнул и исчез, как привидение. Но самое страшное не в этом. Я всадил в этого монстра всю обойму, а он продолжал двигаться. Поверьте, парни, я не промахнулся.

– С чего вдруг ты так уверен? – настороженно спросил самый недоверчивый из троицы.

– Перед тем, как он вылез из того подвала, я бросил туда гранату. В закрытом помещении этого должно было хватить любому, даже если он прятался за углом. Нормальный человек превратился бы в зомби от полученной баротравмы. Он бы просто был дезориентирован и не мог драться.

– Не могу не согласиться с тобой, – мрачно согласился агент.

– Я не промахнулся, – упрямо повторил Джонни. – Я всадил в него всю обойму, но он продолжал двигаться.

– А что было потом?

– Я упал. И пока поднялся, перезарядил винтовку и выскочил на улицу, всё было кончено.

– Ваши люди стреляли?

– Да. Но так, словно не видели, в кого именно стреляют.

– А раны? Ты раны их видел? – быстро спросил первый агент, настороженно всматриваясь в него.

– Да, – тихо ответил Джонни. – Я видел.

Агенты напряжённо переглянулись и, сгрудившись у входа в камеру, принялись о чём-то совещаться. Ударившийся в страшные воспоминания Джонни так и остался стоять посреди коридора, безвольно уронив руки и опустив голову. Перед его внутренним взором снова появилась та, самая страшная в его жизни картина.

Все восемь парней, с которыми он прослужил уже четыре года из пяти контрактных, валялись в пыли, словно разбросанные рукой злого ребёнка игрушки. Но самое страшное было не в этом. За годы службы он повидал немало смертей. Тела были не просто брошены. Горло каждого солдата было разорвано, а кровь – словно испарилась. Жалкие капли, скатившиеся в пыль, можно было даже не упоминать. Раны были нанесены не оружием. Плоть солдат была не разрезана, а разорвана. Бронежилеты, выдерживавшие удар пулемётной пули, были располосованы, словно рисовая бумага. А одна из винтовок была согнута, словно побывала в руках великана.

Из задумчивости Джонни вывел увесистый хлопок по плечу. Удивлённо посмотрев на стоящих рядом агентов разведки, капрал Кинг неожиданно понял, что им всё это было известно, и раз этим делом занялась разведка, значит, он каким-то образом умудрился прикоснуться к какой-то тайне. Эти парни по мелочам не работали.

Московия, где-то на Волхове

Старый промысловик, дед Матвей, ходко шагал на своих подбитых лосиной шкурой лыжах, торопясь побыстрее добраться до дальней заимки. За ним, стараясь ступать след в след, бежал двенадцатилетний Ванька. Вот уже пять лет старый Матвей растил внука, в один день ставшего сиротой.

Сын Матвея, Степан, как и старик, был промысловиком и промышлял зверя, уходя в лес на седмицу, а то и на две. Но пропал Степан не на промысле, а в поездке. Уехав из деревни с женой и сыном на зимнюю ярмарку, он надеялся расторговаться пушной рухлядью и порадовать домашних подарками.

Упитанный соловый мерин рысью вынес их из деревни на тракт. Стояла зима, и укрытые пушистым снежным одеялом ели серебрились в солнечном свете, словно сказочные. Любопытный Ванька, сидя в дровнях рядом с матерью, под овчинной дохой, с восторгом разглядывал лес.

Жена Степана, стройная, как девушка, Настасья, прижимала к себе сына и сама с интересом разглядывала проносившийся мимо пейзаж, бросая на мужа блестящие от восторга взгляды. Только однажды, заметив на мелькнувшей в стороне прогалине странную тень, она насторожилась и, негромко окликнув мужа, быстро сказала:

– Стёп, глянь-ка, что там мелькает?

Насторожившийся Степан оглянулся в указанную сторону, одновременно протягивая руку за лежащим в санях охотничьим луком. Всмотревшись в темнеющий лес, он бросил быстрый взгляд на идущего ровной рысью мерина и, покачав головой, ответил:

– Может, зверь, а может, просто привиделось.

– Не волки? – настороженно спросила Настасья, продолжая всматриваться в лес.

– Не, – покачал головой Степан. – Малыш бы сразу учуял. А он ровно идёт. Видать, зверь.

Успокоившись, Настасья откинулась на специально уложенное в дровни сено и, улыбнувшись сыну, хотела что-то сказать, когда из-за огромной ели, мимо которой они проезжали, взметнулась огромная тень и одним прыжком оказалась в санях.

Всё, что случилось дальше, Ванька вспоминал как один сплошной кошмар. Резкий удар выбросил Настасью из саней в снег, а заревевший медведем Степан, выхватив из сена копьё,

всадил его в грудь чудовищу. Вскочивший в сани монстр ухватил охотника за голову и вместе с ним вывалился на дорогу.

Перепуганный Малыш, истошно заржав, взбрыкнул и, в два прыжка развернув дровни, намётом понёсся обратно в деревню. Чудом не вывалившийся из саней Ванька так и пролежал всю обратную дорогу под окровавленной овчиной, от страха даже забыв заплакать.

Слёзы у мальчика полились только на следующий день, когда в жарко натопленной бане дед отчитывал его от сглаза и дурной силы, окуривая связкой тлеющих пахучих трав. А в тот злосчастный вечер, увидев влетевшие во двор дровни и окровавленное сено в них, дед Матвей разом поседел, превратившись из крепкого, полного сил мужчины в глубокого старика.

Но все усилия Матвея спасти внука от злых чар оказались напрасными. Мальчишка перестал разговаривать. Деревенские во главе с батюшкой обошли деревню крестным ходом. Но не помогли ни дедовы заклинания, ни поповы псалмы. Ванька так и не заговорил.

Осмотрев мерина и разорванную доху, дед Матвей долго хмурил кустистые брови и под внимательными взглядами односельчан коротко произнёс:

– Зверь.

– Волки, что ли? – удивлённо спросил поп.

– Это не волки. Мерин цел. На людей он шёл. Сразу в дровни бросился, – тихо ответил дед Матвей, выпуская из рук окровавленную доху.

Не желая будоражить соседей, он переселился из деревни на хутор, построив крепкий пятистенок из стволов вековых сосен, в изобилии росших вокруг. Оставив деревенской общине сразу два крепких двора, он заручился помощью сельчан и, за одно лето выстроив дом, переселился с внуком туда.

С тех пор он старательно посвящал мальчишку во все тонкости промысловой охоты, регулярно уходя с ним в лес. Жившие землёй крестьяне не очень любили семейство охотников, но вынуждены были их терпеть из-за добычи, заметно облегчавшей уплату податей. Как ни крути, а пушнина всегда в цене.

И вот уже пятый год Ванька поспешал за дедом, радуясь началу промысла. До заимки оставалось не больше двух вёрст, когда на реке, скованной толстым льдом, промелькнули серые тени. Зоркие глаза мальчишки, заметившие самых опасных лесных хищников, разом прищурились. Выхватив из тула подаренный дедом лук, он протянул руку и, ткнув деда в спину, кивком головы указал на реку.

Отлично зная, что ловкий мальчишка не станет шуметь просто так, дед Матвей внимательно всмотрелся в указанную сторону и, обеспокоенно покачав головой, проворчал:

– Похоже, оголодали, разбойники. Как бы до петель не добрались. Пошли быстрее, Ваняшка, поспешать надо. Темнеет. – И дед зашагал ещё быстрее.

Глянув на его широкую спину, Ванька наложил на лук стрелу и, держа его в руках, поспешил следом. Вконец обнаглевшая стая шла за ними до самой заимки. Даже за дровами им приходилось выходить вместе, дед носил, а Ванька, как более зоркий и ловкий, с луком охранял. Натопив снега, дед заварил можжевеловый отвар и, подперев дверь поленом, велел внуку ложиться спать.

С первым светом им предстояло отправиться в лес – осматривать силки. Но, едва устроившись на лавке, Ванька тут же подскочил словно ошпаренный. Под самой стеной, где стояла его лавка, раздался протяжный волчий вой. Удивлённо посмотрев на спокойно сидящего деда, Ванька взял своё копьё и, прислонив его к стене поближе, снова улёгся.

– Не боись, – усмехнулся Матвей. – Стены толстые, а под стеной камень уложен. Не доберутся.

Сонно кивнув, Ванька чуть улыбнулся и, закрыв глаза, спокойно уснул. Прислушавшись к ровному дыханию ребёнка, дед тяжело вздохнул и, перебравшись на другую лавку, сел так,

чтобы оказаться прямо перед дверью. Положив на колени лук, он выпростал из-за ворота рубахи нательный крест и, вздохнув, тихо произнёс:

– Ну, вот и пришла пора нам с тобой посчитаться, нечисть лесная.

Словно в ответ на его слова, за крепкой дверью раздался свирепый рык, и что-то тяжёлое ударило по ней с силой тарана. С потолка посыпалась пыль и хвоя. Презрительно усмехнувшись, Матвей окунул костяной наконечник стрелы в отвар, приготовленный им ещё дома, гордо выпрямился и прошептал:

– Ну, войди сюда, зверюга. Попробуй моего угощения. Специально для тебя готовил. Разрыв-трава да белена, папоротник да люцерна – всё собрал, как ещё дед мой учил. Думаешь, не знаю, кто Стёпку моего порешил? Знаю. Я твой след на всю жизнь запомнил.

В ответ снова раздались рычание и очередной удар. Сбитая из толстых досок и обшитая полосами железа дверь с достоинством выдержала испытание. Матвей сам тесал её, заказав у деревенского кузнеца петли и полосы. Неожиданно жерди, уложенные на крыше, затрещали и прогнулись, словно на них встал кто-то очень тяжёлый.

Обеспокоенно посмотрев наверх, Матвей перевел взгляд на крепко спящего Ваньку и, поправив мягкую оленью шкуру, которой укрывался мальчик, ласково погладил его по голове. В можжевеловый отвар он добавил толику сон-травы, словно зная заранее, что ему предстоит. Не хотел дед пугать мальчишку. Если и суждено ему погибнуть, так пусть случится это спокойно, без страха.

Достав из очага тлеющую головню, Матвей раздул факел, сделанный из обрубка елового ствола, один конец которого был измочален сильными ударами топора. Ярко осветив заимку, Матвей, принялся осматривать потолок. Неожиданно жалобно трещавшие жерди раздвинулись, и между ними на мгновение мелькнула огромная когтистая лапа.

Одним движением вскинув лук, Матвей плавно натянул тетиву и, дождавшись, когда на тёмно-синем фоне вечернего неба мелькнёт чёрная тень, выстрелил. Яростный рёв и тяжёлые прыжки по крыше сказали старому охотнику, что стрела не пропала даром. Рассмеявшись тихим, злым смехом, Матвей сунул в горшок с отваром сразу все стрелы и, встав в угол, приготовился к своему последнему бою. В том, что бой этот будет для него последним, он не сомневался и был готов к нему.

Он бы и раньше начал искать этой встречи, если бы не Ванька. Бросить сироту, единственную свою кровинку, Матвей не мог. Но теперь, передав внуку все знания до последней крупицы, он готов был умереть. Умереть, чтобы отомстить за смерть сына и невестки. За Ваньку он был спокоен. Рассудительный не по годам мальчишка выживет и сам. Ведь в охотничьем промысле для него не было тайн.

Страшный ночной посетитель, неожиданно громко заревев, спрыгнул с крыши и всем своим огромным телом ударил в дверь. Он почувствовал действие яда и теперь рвался расправиться со своим отравителем. Услышав в голосе зверя нотки боли, Матвей усмехнулся и поднял лук.

Дверь затрещала, но всё ещё держалась. Зверь отступил и ударил ещё раз. Верхняя часть двери начала заваливаться вовнутрь, и Матвей спустил тетиву сразу, как только в образовавшейся щели мелькнула страшная морда. Руки не подвели старого охотника. Стрела вошла зверю в глаз, отбросив его назад.

Взвыв, как проклятая душа, он одним прыжком вскочил на свои мощные когтистые лапы и снова ринулся на дверь. Тяжёлый удар окончательно вынес ее, и дед Матвей оказался лицом к лицу со своим врагом. Но не удержавшийся на ногах монстр не успел вскочить, когда следующая стрела пронзила ему второй глаз.

Отбросив лук, Матвей схватил копьё и, одним движением окунув наконечник в отвар, ринулся на зверя. Пронзившие его глазницы стрелы тот сломал одним яростным взмахом, но вошедшее в грудь копьё заставило рёв смениться тоскливым, раздирающим душу воем. Разом

ослабевший зверь рухнул на спину и только бессильно вздрагивал, когда Матвей, одним движением вырвав из раны копьё, вонзил его снова.

Но стоило только старику забыться, увидев, что зверь обмяк, как огромные челюсти с силой стального капкана сомкнулись на его щиколотке, пробив меховые унты и достав до тела. Яростно размахнувшись, Матвей всадил копьё зверю в ухо, окончательно добив его, но отравленная слюна уже проникла в кровь старика, скрутив его мышцы судорогой.

Выпустив древко копья, Матвей кое-как доплёлся до заимки и, едва отдышавшись, принялся поднимать дверь, чтобы закрыть вход. К ночи заметно похолодало, и он не мог допустить, чтобы внук замёрз во сне насмерть. С огромным трудом приладив дверь на место, он подкинул дров в очаг и, рухнув на лавку, потянулся за горшком с отваром.

Теперь у него осталось только последнее дело. Дождаться пробуждения внука и объяснить ему всё. Глотнув своей отравы, он скривился и, вздрогнув, застонал. Слюна зверя заставляла его тело превращаться в нового монстра, а собственный отвар отменял это превращение. Так, то теряя от боли сознание, то приходя в себя, он протянул до утра и, услышав, как заворочался на своей лавке внук, облегчённо вздохнул.

Открыв ещё сонные глаза, Ванька медленно обвёл разгромленную заимку беспомощным взглядом и, приподнявшись на локте, растерянно охнул, увидев резко осунувшееся лицо деда. Соскочив с лавки, он, как был, в исподнем, подскочил к старику и, присев на корточки, принялся испуганно тормошить старика.

– Погоди, Ваня, – прохрипел дед Матвей. – Послушай меня. Помру я сегодня. Скоро помру. Был здесь зверь тот. Знал я, кто твоих батьку с мамкой заел. Всегда знал. И отвар для него приготовил. Знал, что свидимся. Ты вот что, Ваня. Не плачь. Я своё дело сделал, мужика из тебя вырастил. Ты живи, сынок. Сам живи, своим умом. И помни, с этим зверем справиться можно, главное – не бояться. Он страх твой чует и силу из него черпает. Там, на хуторе, в ларе – береста лежит. Ты сбереги её. Дьяку пяток шкурок беличьих снеси, пусть он тебя грамоте обучит, тогда и прочтёшь, что в той бересте писано. А теперь прощай, внучок.

Слабо улыбнувшись, старик сделал большой глоток своего отвара и, едва успев проглотить его, захрипел, дёргаясь в конвульсиях. Вздрогнув в последний раз, старик вытянулся и замер. Глядя на сильное тело деда полными слёз глазами, Ванька осторожно, словно боясь причинить ему боль, обнял старика и неожиданно завыл.

Завыл, как дикий зверь, как воет волчица, потерявшая волчат, как воют все, кто лишается самого дорогого и близкого существа. Но в самом конце его вой перешёл в странный, долгий крик.

– Де-ед! – разносилось над заснеженным лесом, и от этого крика разбежалась даже кружившая у заимки волчья стая.

* * *

Профессор Дарси Слейт была самой молодой из всего научного состава института гематологии в Новой Англии. В свои двадцать восемь лет она имела за плечами кучу научных работ, с блеском защищённую диссертацию и два неудавшихся романа за всю жизнь. Именно это обстоятельство больше всего беспокоило её и всю её семью.

Даже отец, много лет занимавшийся газетным бизнесом и ставший одним из самых известных медиа-магнатов, однажды, перебрав виски двенадцатилетней выдержки, с пьяной откровенностью заявил ей:

– Знаешь, Дарси, придёт время, и ты будешь очень сильно жалеть обо всех упущенных в этой жизни возможностях. Природа дала тебе всё: красоту, здоровье, внешность, мозги – а ты вместо того, чтобы подумать о семье, занимаешься чёрт знает чем. Ответь мне откровенно, чем поможет тебе твой диплом профессора, если ты не представляешь, с какой стороны подходить

к мужчине? Ты хоть знаешь, что такое удовольствие? Если нет, поговори со своей матерью, может, хоть она сможет тебе объяснить, что помимо пробирок и микроскопов существуют ещё сотни очень интересных и приятных вещей.

К удивлению девушки, мать полностью поддержала отца, прямо заявив ей, что давно уже мечтает нянчить внуков. Окончательно растерявшись, Дарси на всякий случай обиделась на родителей и, вернувшись к себе, с новой силой принялась за очередной проект. Но как ни странно, их слова не выходили у неё из головы.

В один из самых ответственных моментов, задумавшись об этом разговоре, она перепутала данные и, вышвырнув все испорченные образцы в утилизатор, приняла судьбоносное решение. Отправившись к начальству, она в ультимативной форме потребовала себе отпуск за все прошедшие годы и, уложив чемодан, отправилась в Европу.

Побывав на французской Ривьере и побродив по развалинам Колизея, она отправилась туда, где зарождалась вся европейская культура. Восточная Европа всегда привлекала её своей неповторимой архитектурой и узкими, извилистыми улочками. Вена, Прага, Будапешт и, наконец, Балканы.

Золотые пески Болгарии встретили её тёплым, как парное молоко, морем и удивительно вкусной национальной кухней. Единственным, что портило ей отдых, было одиночество. Все более-менее привлекательные мужчины оказывались либо с подругами, либо откровенными альфонсами. Это она поняла после попытки одного её нового знакомого выяснить PIN-код её кредитки.

Убедившись, что познакомиться с приличным молодым человеком на курорте практически невозможно, она решила плюнуть на всё и заняться собой любимой. Отправившись из Болгарии в Испанию, она сняла небольшой номер в хорошем отеле и, едва закинув в него вещи, сразу отправилась в лучший косметический салон города.

Истратив уйму денег и получив огромное удовольствие, она вышла из салона и, подумав, отправилась в ресторан. Было уже довольно поздно, когда, выйдя из ресторана, Дарси вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Удивлённо оглянувшись, она поняла, что смотрит на стену старинного дома.

Досадливо пожав плечами, Дарси развернулась и быстро зашагала в сторону своего отеля. Всю дорогу её не покидало ощущение, что на неё кто-то смотрит, и от этого взгляда пробирала дрожь. Только добравшись до своего номера, она смогла перевести дух и немного успокоиться.

Позвонив в отдел обслуживания номеров, она попросила принести ей чашку кофе и, усевшись у окна, принялась наблюдать за кипением ночной жизни города. Только однажды она позволила себе поддаться панике и спросить у официанта, часто ли в городе нападают на женщин. Удивлённо пожав плечами, официант задумался и, покачав головой, ответил, что ограбить могут, а убийств давно уже не случалось.

Сидя у открытого окна, Дарси с удовольствием вдыхала запах Средиземного моря, удивляясь, почему раньше никогда не обращала внимание на то, как пахнет морской бриз. Неожиданно, краем глаза заметив странное шевеление на соседней крыше, она вздрогнула и во все глаза уставилась в том направлении.

Снова возникло ощущение пристального взгляда, и вдоль позвоночника пробежал морозный холодок. Зябко передёрнув плечами, Дарси поднялась и, закрыв окно, погасила свет. Забравшись в постель, она долго лежала с открытыми глазами, продолжая всматриваться в темноту соседней крыши и пытаясь угадать, кто мог смотреть на неё.

Проснувшись от криков уличных торговцев и запаха свежесваренного кофе, Дарси сладко потянулась и, легко поднявшись, отправилась в душ. Приведя себя в порядок и окончательно смыв сонную одурь, она вернулась в комнату и, голышом пройдясь по комнате, принялась раздумывать, чем себя занять.

Неожиданно её взгляд упал на туалетный столик, стоявший рядом с кроватью, и сердце Дарси разом ухнуло куда-то в левую пятку. На столике, рядом с её кольцом и изящными золотыми часиками лежала роскошная кроваво-красная роза. Быстро натянув на себя футболку, Дарси проверила дверь и, убедившись, что она заперта, бросилась к окну.

Решительно распахнув створки, она выглянула на улицу и, быстро оглядевшись, окончательно растерялась. Её номер находился на четвёртом этаже пятиэтажного здания, а вся наружная стена была ровной, с едва выраженными лепными украшениями, подняться по которым мог только паук.

Ничего не понимая, Дарси ещё раз проверила дверь и плюхнулась на кровать, с испугом глядя на непонятно как появившуюся розу. Убедившись, что всё её вместе взятое образование не в состоянии ей помочь, она стянула с себя впопыхах надетую футболку и, достав из шкафа чемодан, принялась перебирать вещи, пытаясь отвлечься этим приятным для любой женщины занятием.

Примерив несколько маек и рубашек, она отбросила их в сторону и, встав перед зеркалом, задумчиво осмотрела себя. Чуть выше среднего роста, тонкая талия, сильные, подтянутые бёдра спортсменки, упругая попка, тонкие щиколотки и небольшая грудь красивой формы. Убедившись, что с фигурой всё в порядке, она подняла глаза выше и принялась рассматривать лицо. Большие синие глаза, пушистые ресницы, гладкое лицо с высокими скулами, полные, мягкие губы, высокий, чистый лоб и милые ямочки на щеках, когда она улыбалась. Общее впечатление портила только одна деталь. Постоянно сдвинутые брови, словно она всё время что-то обдумывает или собирается закатить скандал.

Чуть склонив голову набок, Дарси попыталась улыбнуться и, убедившись, что улыбка ей очень идёт, тяжело вздохнула. И чего этим мужикам не хватает? Вроде и фигуркой вышла, и лицом не урод, а они либо проходят мимо, словно она – пустое место, либо держатся так, словно боятся, что она обвинит их в сексуальных домогательствах.

Остановившись на шортах и майке, она оделась и спустилась в ресторан завтракать, продолжая размышлять. Итак, если вспомнить, как вели себя с ней все её коллеги по институту, то можно было сразу понять, что завязывать с ней более близкое знакомство, чем чисто рабочие отношения, никто не собирался. Хотя со всеми другими особами женского пола все мужчины старательно флиртовали.

Пусть неуклюже, иногда даже грубовато, но они хотя бы пытались это делать, тогда как с ней дальше дежурной улыбки никто не заходил. Придя к такому неутешительному для себя выводу, Дарси неожиданно поняла, что отец был прав, когда говорил, что все её дипломы не стоят и выеденного яйца, когда разговор заходит о простых, человеческих взаимоотношениях.

Позавтракав абсолютно автоматически, она подхватила свою пляжную сумочку и, подумав, отправилась по магазинам. Пора было пополнить свой гардероб. Благо нужды в деньгах она не испытывала, а отец, узнав, что она собирается в путешествие, моментально перевёл на её счёт кругленькую сумму, чтобы единственное дитя ни в чём себе не отказывало.

Как тайком с ней поделилась мать, переведя деньги, он криво усмехнулся и, поцеловав жену, грустно сказал:

– Может, хоть нагулявшись, нам внуков подарит.

Обойдя десяток магазинов и накупив кучу совершенно ненужных ей вещей, она вернулась в отель в отвратительном настроении и, свалив покупки в одну кучу, рухнула в кресло. Имея три высших образования, Дарси никак не могла взять в толк, что она делает не так и почему все мужчины стараются держаться от неё подальше.

Устав от бесплодных размышлений, она поднялась и принялась разбирать вещи. Уложив всё, что сочла ненужным в один большой пакет, она позвонила в службу сервиса и попросила отправить его почтой на адрес родителей. Путешествовать она предпочитала налегке.

Вечер и ночь прошли спокойно, но утро снова было омрачено появлением красной розы. Едва увидев на столике цветок, Дарси подскочила вместе с кроватью и, путаясь в простыне, кинулась к телефону. Вызвав менеджера отеля, она потребовала от него объяснений, тыча пальцем в розу и яростно топая босыми ногами.

Растерянно разводя руками и пытаясь вставить хоть одно слово в словесный поток, обрушившийся на его голову, менеджер попытался объяснить ей, что никто из работников отеля к этому цветку отношения не имеет, и если сеньора желает, он может переселить её в другой номер. Всё, что приходит ему в голову, так это то, что у сеньоры появился тайный воздыхатель, который достаточно смел, чтобы забраться по верёвке в окно, и не достаточно отчаян, чтобы сказать ей о своих чувствах прямо.

Понимая, что обвиняет менеджера совершенно несправедливо, Дарси продолжала вопить, не имея сил взять себя в руки. Наконец, вырвавшись из её номера, менеджер отошёл в сторону и, поправив галстук, коротко высказался в адрес слишком впечатлительной постоялицы:

– Фригидная сука.

Сказано это было по-испански, но Дарси отлично расслышала и поняла, ведь этим языком она владела в совершенстве. Выбросив злополучный цветок в мусорное ведро, она твёрдо решила доказать всем окружающим, что сказанное менеджером не имеет к ней никакого отношения. На нынешний вечер был назначен поход в ночной клуб.

Выбрав подходящую одежду, она разложила её на кровати и прямо из отеля отправилась в косметический салон. Для подобных экспериментов нужно было выглядеть на все сто. Сменив причёску и избавившись от всей нежелательной растительности на теле, она вернулась в отель и, с трудом дождавшись вечера, отправилась в клуб.

Заказанный ещё днём билет дожидался её у портье. Получив его и узнав точный адрес клуба, она поймала такси и приказала отвезти её к намеченной цели. Спустя десять минут Дарси входила в двери одного из самых фешенебельных заведений города, куда могли попасть только люди, имевшие возможность заплатить за вход весьма солидную сумму.

Присев у барной стойки, Дарси обвела всё помещение клуба долгим, изучающим взглядом и презрительно скривилась. «Стоило догадаться, что так будет», – подумала она, заказывая мартини. Рафинированное заведение для богатеньких бездельников. Спиртное по бешеным ценам и кокаин по углам. Глотнув мартини, Дарси мрачно покосилась на танцпол, где ломались полтора десятка девиц и несколько парней, и, жестом подозвав бармена, спросила, перекрикивая музыку:

– Здесь всегда так тоскливо?

– Элитное заведение, – пожал плечами бармен.

– А где в вашем городе можно по-настоящему оторваться? – решительно спросила Дарси.

Потратить кучу денег на это убожество могла только полная дура. Достаточно было просто внимательно взглянуть на куцую очередь желающих попасть сюда, чтобы понять, что в этом заведении настоящая тоска.

– Если хотите оторваться по полной программе, то вам нужно было идти не сюда, а в «Весёлого жеребца». Там и музыка повеселее и народ попроще. Без задвигов.

– В каком смысле «без задвигов»?

– А в прямом.

Тяжело вздохнув, Дарси допила свой мартини и, бросив на стойку купюру, направилась к выходу. Поймав такси, она попросила водителя отвезти её в указанный клуб. Странно посмотрев на пассажирку, водитель включил счётчик и уверенно погнал машину по хорошо известному адресу.

Едва подъехав, девушка сразу поняла, что приехала по адресу. У входа толпилась молодёжь, пытаясь попасть в клуб. Вышибалы на входе внимательно всматривались в каждого, ста-

рательно отсеивая пьяных и торчков. Еще одной категорией, для которой клуб был закрыт, оказались пары.

Как и все подобные заведения, клуб старался привлекать одиночек. Давно известно, что, знакомясь, люди тратят намного больше денег, чем уже состоявшаяся пара. Отлично зная эту политику, Дарси смело направилась прямо к вышибалам. Заметив, что девушка вышла из такси одна, они молча пропустили её в клуб, ловко оттерев в сторону пытавшихся проскочить следом за ней ребят.

Оказавшись внутри, Дарси убедилась, что оказалась там, где нужно. Около полутора сотен парней и девушек лихо отплясывали по всему залу, стараясь перещеголять друг друга. У барной стойки было не протолкнуться от желающих утолить жажду. Заметив освободившийся табурет, Дарси быстро протиснулась к стойке и, заказав себе пива, принялась внимательно осматривать зал.

Уже через минуту появилось знакомое ощущение. Оглядевшись, она заметила внимательно смотревшего на неё мужчину. Высокий, сухощавый, но с широкими плечами борца и изящными, явно ухоженными руками. Длинные ноги держали плотный торс уверенно, а крепкая шея скрывалась за длинными, до нижнего края лопаток, волосами.

Дарси попыталась получше рассмотреть лицо мужчины, но в этот момент её кто-то толкнул, и она на секунду отвлеклась, а когда обернулась снова, незнакомца на месте уже не было. Растерявшись, Дарси принялась крутить головой, пытаясь найти его снова, когда над её плечом раздался звучный, бархатный баритон:

– Кого-то потеряли?

Испуганно вздрогнув, Дарси оглянулась и увидела перед собой того, кого пыталась разглядеть в толпе. Как он умудрился подойти к ней незаметно, она так и не поняла, но он стоял рядом, и это кое-что да значило.

– Пытаюсь увидеть хоть одно знакомое лицо, – ответила она, продолжая рассматривать незнакомца.

– Нашли? – коротко спросил он, улыбнувшись одними уголками губ.

– Нет. Похоже, я здесь одна.

– Любите пиво?

– Нет. Предпочитаю хорошее вино.

– Тогда зачем вам эта гадость? – снова улыбнулся незнакомец, пальцем указав на бутылку в руке Дарси.

– Не думаю, что здесь подают хорошее вино, – пожала плечами девушка, смущённо отставляя бутылку.

– Здесь – нет. А вот в трёх кварталах отсюда есть чудесный дегустационный зал. Не забывайте, вы находитесь в стране, где вино делалось ещё до рождения Христа. Не побоитесь пойти туда со мной?

– А стоит бояться? – иронично спросила Дарси.

– Это решать только вам.

Дарси прислушалась к своим ощущениям. Этот мужчина вызывал в ней интерес и интриговал её всем своим видом. Но было в нём и что-то такое, от чего становилось жутковато. «Наверное, в этом виноваты его глаза», – решила про себя Дарси, продолжая рассматривать незнакомца.

Высокий лоб, твёрдые скулы, чётко очерченный рот, упрямый подбородок и огромные, чёрные, как ночь, глаза, смотревшие, казалось, ей в самую душу. Она так увлеклась этим созерцанием, что пришла в себя только после того, как мужчина коснулся пальцами её руки и повторил свой вопрос. Удивлённо встряхнув головой, она решительно кивнула:

– Я пойду с вами.

– Прошу, – улыбнулся мужчина, подавая ей руку и указывая на выход.

Оперевшись на поданную ладонь, Дарси легко спрыгнула с высокого табурета и решительным шагом направилась к дверям. Оказавшись на улице, она оглянулась и убедилась, что её новый знакомый рядом. Изящным жестом, согнув руку в локте, он предложил ей опору, и Дарси ухватилась за его локоть. Неспешным шагом уводя её в сторону от клуба, мужчина в очередной раз попытался завязать беседу.

– Раз уж мы решили развлекаться совместно, то почему бы нам не познакомиться, – светским тоном осведомился он, поворачиваясь к Дарси.

Только теперь она поняла, что её спутник на голову выше неё. С удивлением отметив этот факт, Дарси немного прибавила шагу и, понимая, что отмолчаться не удастся, ответила:

– Дарси Слейт. А как вас зовут?

– Для местных я дон Александр Рамирес де Сарофа.

– Для местных? – удивлённо переспросила Дарси.

– Да. Я много путешествовал, но нигде так не благоговеют перед пышными именами, как здесь, в Испании.

– А разве приставки «дон» и «де» не говорят о вашем благородном происхождении?

– Говорят, – со странной интонацией ответил он. – Мои предки действительно были очень богаты, родовиты и знамениты, но со сменой власти им пришлось отказаться от всех своих привилегий. Именно поэтому я презираю вашу так называемую демократию.

– Вы монархист, дон Александр?

– Прошу вас – Алекс. Только Алекс, – улыбнулся он в ответ. – Просто в прежние времена я принимал бы вас в собственном замке и угощал из серебряной посуды. А сейчас вынужден вести в забегаловку, стоящую чуть выше, чем ваш фастфуд.

– А что вам не нравится в фастфуде?

– Отвратительно, когда люди забывают о почтении к пище и превращают её в топливо для организма. Нужно уважать то, что ешь, и чувствовать каждый кусок, который ты кладёшь в рот.

– Ого, похоже, вы настоящий философ от кулинарии, – рассмеялась Дарси. – А кстати, откуда вы знаете, что я американка?

– Акцент. Вы говорите как настоящая уроженка Новой Англии. Не нужно быть Холмсом и Пуаро в одном лице, чтобы заметить это.

– Странно, я всегда считала, что смогла избавиться от него, – удивлённо ответила она. – Ну хорошо, а откуда вы сами, Алекс?

– Я? Я из очень далёких мест. Не уверен, что вы когда-либо слышали о них, – задумчиво отозвался он.

– Вы издеваетесь надо мной?! – возмутилась Дарси и попыталась остановить своего спутника резким рывком за локоть.

Но с тем же успехом она могла бы дёргать за бампер грузовика. Алекс, даже не сбившись с шага, продолжал уверенно двигаться в нужном ему направлении, зато сама Дарси с трудом удержалась на ногах. От падения её спасла только собственная цепкость. Пройдя ещё пару дюжин шагов, Алекс подбородком указал ей на вход в подвальное помещение и совершенно спокойно сказал:

– Нам сюда, если вы ещё не передумали.

– Сюда? – растерянно переспросила Дарси, внимательно рассматривая арочный вход и тяжёлую, явно дубовую дверь, висящую на широких кованых петлях.

Легко сбежав по узким каменным ступеням, Алекс подал ей руку и, толкнув дверь, шагнул внутрь. Войдя следом за ним, Дарси с интересом принялась рассматривать огромное помещение, арочные своды которого держались на толстых каменных колоннах. По всему залу были расставлены деревянные столы, сколоченные из толстых досок, а вместо мягких кресел стояли тяжёлые стулья.

С низкого потолка свисали кованые светильники, тускло освещавшие столы и сидящих за ними людей. В дальнем конце зала Дарси обнаружила длинную деревянную стойку, за которой виднелись два десятка бочонков с торчащими из днищ кранами.

Подведя Дарси к свободному столу, Алекс отодвинул стул, помогая ей сесть, и звонко щёлкнул пальцами. В ту же минуту у стола словно из воздуха материализовался крепкий молодой мужчина в кожаном фартуке и с картой вин в руках. С удивлением Дарси заметила широкий нож, висящий у мужчины на поясе.

Заказав два бокала бургундского урожая 1873 года, Алекс отдал переплетённую в телячью кожу карту и, мягко улыбнувшись, посмотрел на Дарси. Не обращая на него внимания, она внимательно рассматривала зал, пытаясь угадать, что здесь было раньше. Угадав её мысли, Алекс тихо произнёс:

– В старые времена здесь был трактир. Даже очаг ещё действующий, – сказал он, кивком головы указав в дальний угол зала, за стойку.

– Выходит, это место существует очень давно? – с интересом спросила Дарси.

– Очень. Оно знало разные времена. Бывали тут и свадьбы, и похороны, и драки, и стрельба, но оно всегда оставалось таким. Суровым, немного мрачным, но всё равно уютным.

– Вы говорите так, словно бывали здесь в то время, – улыбнулась Дарси.

– Можно сказать, что бывал.

– Как это?

– Это заведение когда-то принадлежало моей семье, – ответил Алекс с едва заметной грустью.

– Вот как? У вас были виноградники? – с интересом спросила Дарси.

– Вина моих предков были известны по всей Восточной Европе. Это были самые знаменитые виноградники, – с гордостью произнёс Алекс.

В это время в зал ввалилась большая, шумная компания изрядно подвыпивших парней и с ходу принялась задирать всех подряд. Мрачно покосившись на них, Алекс презрительно усмехнулся и громко, так, чтобы пришедшие услышали, сказал:

– Вот вам наглядный пример. Куча придурков, явившихся в чужую страну и считающих, что их паспорта делают их центром мироздания. Никакого уважения к местным обычаям и устоям.

Услышав это, вся компания дружно развернулась к их столу. Понимая, что сейчас будет, Дарси встревоженно посмотрела на Алекса и удивилась. Её спутник сидел, откинувшись на спинку стула, и с иронией поглядывал на приближающихся парней.

Из-за колонн появились трое из тех, что обслуживали посетителей, и, встав напротив агрессивной компании, вызывающе опустили ладони на рукояти ножей. Но их было слишком мало против десяти пьяных буянов. Заметив официантов, Алекс подал им знак, и вся троица замерла на месте, повинуясь его молчаливому приказу.

Заметив, что официанты остановились, вся компания дружно шагнула ещё ближе, а Дарси, не выдержав напряжения, во весь голос потребовала вызвать полицию. Бросив на неё неприязненный взгляд, все трое служащих заведения вопросительно посмотрели на Алекса.

– Оставайтесь на месте, Дарси. Я сам разберусь с этими недоумками, – усмехнулся он, обводя парней долгим, мрачным взглядом.

– Что ты сказал, мужик? – зашипел один из парней с акцентом, выдававшим в нём уроженца Среднего Запада.

– Я сказал, что вы все – просто стадо недоумков, которые позорят себя и свою страну, – твёрдо ответил Алекс, медленно поднимаясь на ноги.

Понимая, что он абсолютно прав, Дарси мрачно покосилась на стоявших перед ними и почувствовала, что ей становится стыдно. Сообразив, что уже ничего не сможет исправить, она снова попыталась вмешаться, но взгляд его горящих глаз словно приковал её к месту.

Сделав два шага, Алекс встал перед буйной компанией и, уперев кулаки в пояс, презрительно усмехнулся.

– Ну что, болваны, сами уйдёте или мне придётся выбросить вас отсюда?

– Ты, мужик, или очень наглый, или очень глупый, – огрызнулся заводила.

– Похоже, по-хорошему понимать вы отказываетесь, – покачал головой Алекс и неожиданно ударил.

Даже внимательно следившая за ним Дарси не поняла, когда и как он успел это сделать, но в одно короткое мгновение трое из десяти оказались на полу, поливая его кровью и посыпая выбитыми зубами. Дальше началось вообще что-то невообразимое. Алекс метался между ними, как тень, снося с ног сразу по нескольку человек.

Через минуту вся компания лежала на полу, издавая страдальческие стоны и тщетно пытаясь понять, кто их так отделал. Алекс стоял посреди этого побоища, спокойный, с ровным, даже не сбившимся дыханием. Глядя на него, можно было подумать, что это не он только что вышиб дух из десятка молодых, здоровых парней.

Вернувшись к столу, Алекс чуть улыбнулся и спокойным, ровным голосом приказал:

– Вышвырните этих недоносков отсюда.

Троица официантов, вежливо поклонившись, взялись за дело. Немного понаблюдав, как они за ноги вытаскивают побитых парней из зала, Дарси повернулась к Алексу и негромко сказала:

– Похоже, вы часто бываете в этом заведении. Уж очень свободно вы себя здесь чувствуете.

– Я же говорил, оно много лет подряд принадлежало моей семье, – пожал плечами Алекс.

– И что? – не поняла Дарси.

– Оно и сейчас моё, – усмехнулся в ответ Алекс.

– Похоже, ваша семья всё ещё очень богата и влиятельна, – удивлённо заметила она.

– Теперь уж не так, как раньше, – покачал он головой.

Они проговорили почти два часа. Выпив три бокала старого, выдержанного вина, Дарси почувствовала, что ей пора проветриться, и попросила его проводить её до отеля. Алекс поднялся и, подав ей руку, вывел на улицу. До отеля они решили пройтись пешком.

Их путь лежал мимо старого сквера, когда в кустах, неподалёку от дороги, раздались леденящий душу рёв и вопли, полные дикого, животного ужаса. Вздрогнув, Дарси непроизвольно прижалась к руке Алекса, краем сознания отмечая, как напряглись его мышцы. Рёв перешёл в кровожадное рычание и странные булькающие звуки.

– Что это? – испуганно спросила она.

– Нам лучше прибавить шагу, – сказал Алекс и быстро повёл её дальше.

Но уйти им не дали. На тротуар, легко перемахнув металлическую витую ограду, выпрыгнуло огромное, косматое существо, больше напоминавшее оживший кошмар наркомана, чем божье создание. Присев на мускулистых, похожих на собачьи, задних лапах, снабжённых мощными когтями, монстр грозно зарычал, и его глаза сверкнули адским пламенем.

Отодвинув Дарси в сторону, Алекс согнул руки в локтях, так же присел и ответил монстру не менее грозным рычанием. Не ожидая такого поворота, существо озадаченно замолчало и, совершенно по-собачьи склонив голову набок, принялось рассматривать Алекса. Презрительно усмехнувшись, он шагнул вперёд, снова зарычал и тихо сказал:

– Убирайся в свою конуру, если хочешь жить, животное.

Тут монстр снова зарычал и бросился в драку. Смотревшая на эту сцену с открытым ртом Дарси не выдержала напряжения и, мягко осев, провалилась в спасительную темноту.

* * *

Эти катакомбы в отрогах Пиренеев издревле пользовались дурной славой. Но на протяжении долгих веков люди продолжали использовать их в своих целях. Пользовались ими и беглые римские рабы, и контрабандисты, и гарибальдийцы[3], и калабриционисты[4], но у всех этих людей катакомбы всегда считались дурным местом.

После того как несколько групп спелеотуристов пропали в катакомбах бесследно, власти вынуждены были закрыть их. Но всё равно несколько раз в год находились сумасшедшие, которые лезли туда либо по собственной глупости, либо по простому недомыслию.

[3] Гарибальдийцы – сражавшиеся против австрийского ига дружинники. XIX в.

[4] Калабрия – область в Испании. В 1598–1599 гг. была охвачена восстанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.